

Автор представлен членом Художественного совета **Сергеем Касьяновым**

Ночным дождям недолго всхлипывать,
К утру рассеется туман,
Когда острее запах липовый,
Угрюмей вдоль дорог бурьян.

Недолговечно запустение,
Расстраиваться ни к чему.
Как к солнцу тянутся растения –
Просверливают звёзды тьму.

Такое нам досталось времечко –
Жить накануне перемен.
И запекает канареечка,
И горе – не беда взамен.

И пусть шоссе не очень ровное,
Россия тем и хороша,
Пока ещё не оцифрована
Её печальная душа.

Нынче Пасха на Руси в апреле.
Косогор кладбищенский подсох.
Половицы, словно птицы, пели
И с берёз сочился сладкий сок.

Никогда легко так не дышалось,
Несмотря на многие лета...
Врачевала ангельская жалость,
Заживала к ночи береста.

Давние затягивались раны,
Исчезала из общенья ложь.
Возвращались птичьи караваны,
Открывалось: а зачем живёшь?

Сколько смысла в этой светлой ночи,
Сколько тайны, сколько простоты!
И смывает дождь следы сорочки,
Обновляя души и кресты.

Мне дорога прохлада осени,
Задумчивость и желтизна
Приречных рощ, сиянье просини,
Когда подсветка не нужна.

Всё изнутри спокойно светится,
Земля готовится ко сну,
А если леший в поле встретится,
С дорожки узкой не сверну.

Нам нечего делить, как водится,
Понятно всё без лишних слов.
И улыбнётся Богородица
Сквозь слёзы, тлен и дым костров.

«Прощай, Россия, встретимся в раю!» –
В который раз судьбу перекрою,
И затянув потуже поясок,
Войду, как в вечность, в твой речной песок.

Теперь не долго горе горевать,
На дудочке пастушеской играть,
Молиться Богу, неумело пусть,
И разводить руками тьму и грусть.

Ещё легки наплывы облаков,
Беззлобен мат похмельных мужиков,
Ясна дорога, и печаль светла,
И сонные звонят колокола.

Пусть ветрено, зато тепло пока,
Плывут в реке листва и облака,
И я без грусти тихо говорю:
«Прощай, Россия, встретимся в раю!»

Царапнула, как ржавым гвоздиком,
Случайным словом по душе.
Движеньё призрачное воздуха
В сквозном осеннем витраже.

Но суть не в этом. Всё уладится,
На то и время – лучший врач.
Печали простенькое платице
И перелесков тихий плач.

А что до раны – след затянется,
Как льдом декабрьским ручей...
Но горечь всё-таки останется,
И нежность – горечи горчей.

Стоит прислушаться – и тишина
Сделает тайное явным,
Станут отчётливей полутона
В мире, привыкшем к бурьянам.

И разнотравье предстанет иным,
И на изгибе просёлка
Будет приятен Отчества дым
Цвета тамбовского волка.